

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет заключительный раздел, принадлежащий перу руководителя всего издания, и посвященный трактовке основных социально-политических понятий. Имеются в виду такие понятия как: классы и сословия, частное лицо и индивидуальность, эллины и варвары, полис и территориальное государство. Анализ и трактовка этих понятий, как указывает сам автор, вытекают из результатов исследований, предпринятых в рассматриваемом коллективном труде.

В заключение хотелось бы отметить, что труд в целом отличается еще той особенностью, что он может служить примером и образцом блестяще организованной кооперации научных сил. Причем, с нашей точки зрения, можно говорить как бы о «двойной кооперации». С одной стороны, это — объединение ученых стран социалистического лагеря, с привлечением прогрессивных историков Запада. Из стран социалистического лагеря в этом коллективе представлены Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия. Но есть все основания говорить и о кооперации другого рода — об объединении известных, маститых специалистов и молодых ученых, представляющих собой новую генерацию исследователей-антиковедов.

Таков наш обзор фундаментального труда, посвященного античному полису. Как и было сказано в самом начале этого обзора, его следует рассматривать лишь как первый отклик, первый сигнал в нашей печати о выходе в свет подобного издания. Мы совершенно сознательно не подвергали в нашем кратком и слишком общем обзоре материал томов критическому рассмотрению и оценке. Такая задача, несомненно, стоит перед нами, но это — дело будущего, дело специалистов. Коллективный труд подобного охвата и масштаба, скорее всего, требует рецензии, подготовленной тоже достаточно авторитетным коллективом. Возможно, что будущие рецензенты не во всем окажутся согласны с авторами тех или иных разделов этого капитального произведения. Ну, что же, это вполне естественная и, в какой-то мере, даже неизбежная реакция. Возможно же, что рецензенты не найдут в изучаемом труде ответа на некоторые интересующие их вопросы. Но, очевидно, ни авторы, ни редактор всего труда не поставили перед собой непосильной задачи вынесения окончательных решений и исчерпывающих ответов. И, наконец, возможно, что, как и во всяком большом труде, не все его разделы (главы) окажутся равноценны. Но и этого не следует бояться — речь может идти лишь о каких-то частных недостатках, но общее положительное значение рассматриваемого труда — неоспоримо и вне всяких сомнений.

С. Л. Утченко

«Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973, 242 с.

Советская историческая наука обогатилась еще одним солидным изданием по проблеме социально-экономического строя древневосточных обществ. Это — рецензируемый сборник статей, посвященный одному из актуальнейших вопросов истории древнего Востока — городам и торговле. Статьи сборника представляют собой переработанные доклады участников Всесоюзного симпозиума «Города и торговля на древнем Востоке (III — I тыс. до н. э.)», проведенного в Ереване 19—23 мая 1969 г. Институтом истории АН Армянской ССР совместно с Институтом археологии и этнографии АН Армянской ССР и Постоянным оргкомитетом по проведению научных сессий по древнему Востоку Института востоковедения АН СССР.

Если отдельные вопросы, связанные с торговлей на древнем Востоке, были затронуты в трудах советских ученых и раньше, то проблема древневосточного города в целом, как известно, до сих пор у нас почти не разрабатывалась (если не считать общих

суждений о городе как историческом явлении, обусловленном социально-экономической структурой общества). Поэтому естествен огромный интерес читателя к подобным работам и, в частности, к рецензируемому сборнику; к тому же хорошее полиграфическое оформление книги, вполне отвечающее ее научной ценности, еще более усиливает интерес к ней. Книга снабжена солидными резюме на английском языке (стр. 215—239).

При рассмотрении интересующей нас проблемы в разных статьях сборника охватываются обширные регионы Передней Азии, на территории которых развивались города и велась торговля: Двуречье и Средняя Азия, Сирия - Палестина и Закавказье, Малая Азия и Южная Аравия. Широки хронологические рамки исследуемой проблемы: они охватывают три тысячи лет, т. е. периоды возникновения, развития и гибели древнейших городов¹, при которых торговля порой достигала наивысшего расцвета и приобрела международные масштабы². В рецензируемом сборнике как бы подытоживаются результаты труда, сделанного советскими исследователями в области разработки проблем город и торговли указанных регионов в последние десятилетия, делается немало ценных выводов и заключений на основании детального и скрупулезного анализа не только многочисленных древневосточных письменных источников, но и богатейшего археологического и эпиграфического материала. Само собой разумеется, в рецензии просто невозможно подробно рассмотреть все эти новые выводы и дать им соответствующую оценку. Авторы данной рецензии, не претендуя на рассмотрение всех статей детально и с одинаковой полнотой, постарались лишь коротко изложить результаты исследования каждого автора рецензируемого сборника, чтобы читатель имел представление, какие вопросы в области изучения древневосточных городов и торговли в настоящее время ставятся и разрешаются. Ниже мы рассматриваем статьи в той последовательности, как они представлены в рецензируемом сборнике.

Статья В. К. Афанасьевой «Шумерские этиологические мифы и изучение идеологии города-государства в Двуречье (К постановке вопроса)» (стр. 7—16) посвящена еще малоразработанной проблеме шумерологии и намечает перспективы изучения шумерских мифов в идеологическом аспекте. Рассмотрены мифы о сотворении человека, изобретении земледельческих орудий труда, появлении божеств скота (Лахар) и зерна (Ашнан), мифы о деяниях богов-демиургов и их роли в становлении цивилизации. Было бы желательно, если бы автор уделил больше внимания понятию *МЕ*, представляющему собой, по верному определению автора статьи, совокупность социальных, этических, правовых и ритуальных установлений, «которые были созданы богами и мыслились как материальные субстанции, т. е. их можно было отнять, похитить, погрузить в ладью и перевезти в другой город, как это и сделала Инанна» (стр. 13, прим. 18а). Интересные наблюдения автора можно было бы дополнить, развив мысль о том, что наличие этих *МЕ* оказывается необходимым компонентом, чтобы называть населенный пункт городом или городом-государством. Ср. эпитеты городов *uru-me-du₁₀*—*du₁₀*—*ga* «город (наделенный) наилучшими *МЕ*», или *uru-me-gal-gal* «город великих *МЕ*», а также шумерское название прачеловека, выступавшего в качестве носителя культуры — *apkallum*, чему соответствует шум. *nin-me* или *nin-me-tag* «великий некто, наделенный началами *МЕ*». Проблема *МЕ* имеет, на наш взгляд, прямое отношение к поставленному в статье вопросу.

Н. Б. Янковская в статье «Частный кредит в торговле древней Западной Азии III — II тыс. до н. э. (Краткое сообщение)» (стр. 17—21) исследует некоторые стороны вопроса о роли частного кредита в торговле как постоянного, поддерживаемого но не планируемого) государством института древней Западной Азии. Н. Б. Янковская

¹ В рецензируемом сборнике верно отмечается, что «древность кончается вместе со смертью древнего города» (стр. 30).

² Достаточно упомянуть, например, P. G a r e l l i, *Les assyriens en Cappadoce*, Р., 1963; «Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР» (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.), изданные Н. Б. Янковской (М., 1968).

выясняет причины преобладания торговли в кредит, которая приводила к концентрации средств платежа в руках крупных торговых обществ, подобно торговой общине в Канише (совр. Кюль-тепе, недалеко от Кайсери в Турции). Каниш можно рассматривать согласно автору, как прототип будущего торгового города. В связи с возникновением рыночных площадей в городах древней Западной Азии автор предполагает, что появлению постоянного товарного рынка предшествовала не простая форма ярмарки, а система кредита, не нуждающаяся в рыночных площадях. По мнению Н. Б. Янковской, обозначением рынка был, очевидно, термин *kārum* с первоначальным значением «пристап», что, однако, следовало бы доказать документально. Частный кредит был средством, объединяющим разрозненные хозяйства в одну общую систему экономики.

В обзорной статье Р. А. Г р и б о в а «Северомесопотамский город в конце XIX — первой половине XVIII в. до н. э. по текстам из Мари. (Краткое сообщение)» (стр. 22—29) показано, что в архиве Мари засвидетельствованы разные занятия городского населения, существование царских, храмовых и общинных хозяйств, деление городского населения на людей царских и нецарских, наличие налогов и т. д. В социальном отношении население городов делилось на свободных, рабов и других зависимых лиц. Города управлялись представителями царской администрации и местными органами. Автор привлек юридический документ ARMT VIII 85 и на основании этого документа сделал вывод о наличии земель, не принадлежащих царю. Дело касается, согласно Р. А. Грибову, поля дворца, на которое предъявили иск жители города Сагаратума. В роли судьи выступает, по мнению автора, сам царь. Однако если иск предъявлен по поводу поля д в о р ц а, то мог ли царь оказаться судьей? В таком случае он мог быть только ответчиком. Но, вернее всего, поле не принадлежало дворцу. Говоря о людях *awilum* и *muškēnum*, автор пишет, что «должность *muškēnum* могла быть наследственной (стр. 25)». Однако *muškēnum* (как и *awilum*) не д о л ж н о с т ь, а л и ш ь к а т е г о р и я свободных лиц³. В связи с *awilū nashū* можно было бы привлечь и сведения о ERIN *nishātum* из § 33 ЗХ, а также тексты из Кюль-тепе, где слово *nishātum* употреблено в значении «пошлина» («рыночный сбор») ⁴.

Исключительный интерес представляет статья И. М. Д ь я к о н о в а «Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура)» (стр. 30—64), так как наблюдения автора можно использовать как основные направления для дальнейшего более комплексного историко-экономического (а также историко-культурного) исследования вопроса. Характеризуя древневосточный город как центр окружи в хозяйственном, политическом и идеологическом отношении, И. М. Дьяконов классифицирует различные *ālu*, разделяя на две группы, что дает возможность выявить противоположность города и деревни (*ālu* — административные центры высшего порядка, которым подчинены остальные *ālu*, а также *ālu*, не имеющие вокруг себя ни рядка, которым подчинены остальные *ālu*, а также *ālu*, не имеющие вокруг себя ни рядка, которым подчинены остальные *ālu*, кроме сельскохозяйственных угодий). Рассмотрев исторический фон, на котором развивался старовавилонский город (материалом для исследования стал город Ур времен господства династий Ларсы⁵), автор выделяет пять архивов (Эанаццира, Куниггала, Имлику, Пузурдаму и Думузигамиля), на основании которых можно дать характеристику старовавилонского города. И. М. Дьяконов подробно останавливается лишь на некоторых важнейших характерных чертах городской экономики: на общих бытовых условиях, на занятиях населения, на проблеме взаимоотношения частного и государственного экономических секторов, а также на проблеме отношения между хозяйствами горожан и государством. Детально рассматривая эти вопросы, И. М. Дьяконов попутно выясняет целый ряд конкретных моментов, связанных с городской экономикой. По мнению автора статьи, в дальнейших исследованиях старовавилонского города следует уделить особое внимание проблемам функционирования экономического механизма. Необходимо изучить конкретную экономику от-

³ См. И. М. Д ь я к о н о в, *Muškenum* и повинностное землевладение при Хаммураби, «Еос», XLVIII, 1, стр. 53 и сл.

⁴ См. «Клинописные тексты из Кюль-тепе...».

⁵ См. также Н. В. К о з ы р е в а, Старовавилонский город Ларса, Автореф. канд. дисс., Л., 1974.

дельных хозяйственных единиц и соотношение производительности труда с уровнем потребления, с одной стороны, а также изучить сферы обмена, обращения и потребления, с другой. Все это позволит, во-первых, установить экономическую необходимость прибавочного продукта и, во-вторых, понять цели производства, характер общественного производства эпохи старовавилонского города.

Цель статьи М. А. Д а н д а м а е в а «Роль *тамкара* в Вавилонии II и I тыс. до н. э.» (стр. 65—77) — рассмотреть положение *тамкара* в нововавилонских текстах и попытаться установить, какие изменения произошли в функциях *тамкаров* указанного времени по сравнению с их предшественниками в Вавилонии II тыс. до н. э. В работе показана устойчивость института *тамкаров* на протяжении тысячелетий. Все функции *тамкара* (купца, ростовщика и т. д.), выявленные автором в разных документах, восходят еще ко времени Хаммураби (они представлены в статьях ЗХ). Изучение документов приводит автора статьи к заключению, что на роль купца в вавилонском обществе нововавилонского и ахеменидского времени значительное влияние оказали изменения в экономической жизни страны, происшедшие в этот период. Торговлей занимались не только профессиональные купцы или их агенты, но и частные лица. Более оживленной стала торговля между отдельными частями страны. Для Вавилонии VII — V вв. до н. э. было характерно господство в экономике деловых домов, владевших большими земельными массивами, десятками рабов и т. д. Слово *amēlū* текста TCL XII 32, сткк. 37—38 (стр. 69, прим. 25) лучше переводить не как «рабы», а «люди» («людей из рук купца купи...»), так как в данном случае *amēlū* имеет значение «человек, мужчина, муж».

В статье Н. В. А р у т ю н я н а «Город Эребуни согласно клинописным источникам» (стр. 78—86) детально изучаются урартские клинообразные надписи Эребуни (Ирпуни, Ирепуни) — военно-стратегического, хозяйственного и культового центра, т. е. типичного древневосточного города. Там же приводится материал относительно этнического состава Эребуни. Как полагает Н. В. Арутюнян, Эребуни служил плацдармом для военных походов в близлежащие районы. В этом же городе, вероятно, формировались гарнизоны урартских войск; зерновые запасы области 'Аза хранились в закромах Эребуни, где находились и разные кладовые для хранения вина, винограда, проса. Здесь же находились сооружения культового назначения (дома *susi*, возможно и «ворота бога Халди», «дома бога Халди» и т. д.). Кроме абorigенов — азайцев, в Эребуни, должно быть, жили урартийцы, приевфратские хетты и цунапийцы, а также вавилоняне. Божество Иуарша рассматривается Н. В. Арутюняном как бог местного (азайского) происхождения, хотя в текстах нет прямых указаний на это.

Г. А. Т и р а ц я н в статье «К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.)» (стр. 87—98) стремится всесторонне обобщить имеющиеся данные (свидетельства древнегреческих, средневековых авторов и археологический материал) о городах древней Армении. Повышенный интерес к исследуемой теме вызван важностью разработки данного вопроса для выявления истоков городской жизни, а также для изучения формирования и развития классового общества в Армении. На основании анализа конкретного материала Г. А. Тирацян удается определить характер некоторых из городов древней Армении (Армавир). Однако скудость письменных источников и недостаточность археологического материала (хотя круг этого материала несколько и расширился в последнее время) все же вынуждает автора статьи при обсуждении вопроса порой ограничиваться предположениями или же оставлять некоторые вопросы открытыми, а иногда, как признает сам автор, заполнять лакуны общей моделью, выработанной на основании изучения ближневосточных городов (например, при рассмотрении вопроса о внутренней организации городов Армении).

Статья Б. А. Л и т в и н с к о г о «Древний среднеазиатский город. (Местные традиции и иноземные модели)» (стр. 99—125) посвящена выявлению основной линии развития древнего среднеазиатского города и его особенностей на различных этапах. Используя новейшие археологические материалы в качестве основного источника, а также привлекая и сравнительные данные, автор выделяет в развитии среднеазиатского города пять этапов. Характеризуя отдельные этапы развития указанных городов,

Б. А. Литвинский затрагивает круг важнейших вопросов (например, вопрос о проникновении в среднеазиатскую среду элементов греческой и эллинистической культуры, в частности греческой письменности, культов, архитектуры и т. д.).

И. В. Я н к о в в статье «Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов» (стр. 126—135) из отдельных сообщений, разбросанных в сочинениях античных авторов (Гекатея Милетского, Геродота, Ктесия и др.), старается восстановить общую картину среднеазиатского города. Он рассматривает северную часть восточноиранского мира (Бактриана, Согдиана, области хорасмиев и саков) периода пребывания этих областей в составе Ахеменидской державы (VI—IV вв. до н. э.)⁶. Среди приведенных в статье сообщений особого интереса заслуживает упоминание в античных источниках «городов-полисов» на территории Бактрии и Согдианы. Автор статьи пытается раскрыть содержание данного термина.

Статья И. Д. А м у с и н а называется «Денежно-весовая система обращения в древней Палестине в первой половине I тысячелетия до н. э.» (стр. 136—148). Согласно автору, по данным Ветхого Завета денежно-весовая система в Палестине состояла из следующих главных единиц (в их соотношении): *талант*, *мина*, *сикль*, *бека*, *гера*, *пим*, *кесита* (встречались также еще два наименования денежных единиц — *агора* и *парсин*). Из этих единиц лишь *мина*, *сикль* и *гера* были заимствованы из вавилонской денежной системы. Палестинская система восходит не к вавилонской, а к древнеханаанской традиции (по которой *мина* равняется 50 *сиклям*). В статье тщательнейшим образом рассмотрены отдельные элементы палестинской денежно-весовой системы, а также затрагивается вопрос об их реальном весовом эквиваленте. Предполагается, что Палестина знала эмбриональную монетную систему. В заключение своей работы И. Д. Амусин останавливается на некоторых аспектах социальных и экономических функций денег. Сравнительно обширная терминология денежного обращения свидетельствует о проникновении денежных отношений во все сферы частной, общественной и религиозной жизни древней Палестины.

И. П. В е й н б е р г в статье «Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э.» (стр. 149—161), классифицируя города указанной общины по их функциональному назначению, разделяет их на города без специальных административных функций и на города, которые были административными центрами провинции — *пелек*. Далее в статье рассматривается вопрос о месте Иерусалима в системе самоуправления гражданско-храмовой общины после 458/7 г. до н. э., когда доминировали термины «Иехуда-Иехуд» и «Иерусалим». Принимая во внимание все данные, касающиеся палестинской общины, И. П. Вейнберг все же воздерживается от ее определения как античного полиса, признавая типологическую близость палестинской гражданско-храмовой общины с родственно-общинной структурой общинного сектора экономики Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Отсюда следует, что при определении характера ближневосточных гражданско-храмовых общин и путей их развития нельзя увлекаться высказанным в историографии положением о близости организации некоторых из этих общин античным полисам. Этот вопрос в каждом конкретном случае требует дифференцированного подхода.

Статья А. Г. Л у н д и н а — «Город и государство в Южной Аравии I тыс. до н. э.» (стр. 162—177). Из пяти южноарабских государств (Йемена) автор статьи останавливается на характеристике самого значительного политического объединения — Сабейского государства эпохи мукаррибов, административные единицы которого можно охарактеризовать как территориальные единицы — города. В эти последние входили сельская округа и поселения. В Сабейском государстве предполагается, наряду с советом старейшин, и одновременное существование двух принципов внутреннего деления страны: деление на «города», не представленные в общесабейском совете старейшин, и на «племена совета», которые не отражены в территориальном делении государства. В древнем Йемене обнаруживаются две не пересекающиеся между собой линии

⁶ Анализ письменных источников о среднеазиатских городах ахеменидского времени содержится и в вышеупомянутой работе Б. А. Литвинского. См. особ. стр. 106—111 рецензируемого сборника.

государственного устройства. Первая — Сабейское государство со всеми органами и функциями государства (верховным правителем и советом старейшин, национальным божеством и т. д.), и вторая — города-государства со всеми органами управления (царями, советами старейшин, чиновниками, городскими культами).

Д. А. Х а х у т а й ш в и л и в статье «Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху» (стр. 178—184) обобщил результаты исследований, проведенных им за последние 20 лет по изучению городов Иберии. Согласно утверждению автора, характерной чертой урбанизации Иберии было возникновение одной, более ранней, группы античных городов в процессе градообразования, и второй — более поздней группы — в период градостроительства (в эллинистическую эпоху). Первая группа городов развивалась на основе крупных поселений с ремесленными участками, расположенных в хозяйственно развитых районах, имевших значительный экономический потенциал. Города первой группы окончательно оформлялись как раннеклассовые городские центры в V — III вв. до н. э. (Уплисхихе, Мцхета, Урбинси, Гори, Каспи и др.). Статья имеет большое значение для изучения процесса возникновения городов не только в Иберии, но и в других частях Закавказья. Было бы хорошо, если бы в работе более полно был представлен фактический материал, на котором основываются приведенные выше выводы автора.

Свою статью «Новые данные о городской земле в Селевкидской Вавилонии» (стр. 185—193) Г. Х. С а р к и с я н посвящает рассмотрению пока еще не изданного документа из Берлинского Переднеазиатского музея за № VAT 9175 (текст относится к 220 г. до н. э. — к началу правления Антиоха III). На основании тщательного анализа документа в работе делается важный вывод о существовании в Селевкидской Вавилонии не двух, как это предполагалось раньше, а трех категорий городской земли: 1. Нетронутого фонда храмовых (общинных) земель, обрабатывавшихся посредством выдачи в аренду и т. п. 2. Земель, выданных из этого фонда на определенных условиях в бессрочное пользование (вероятно, это *эмфитевсис*, однако в ряде пунктов он весьма сходен с частным владением). 3. Земель, находившихся в частном владении или собственности граждан. Весьма интересно предположение Г. Х. Саркисяна о существовании в вавилонских городах эллинистического времени определенного законоположения, регулировавшего земельные отношения. Данные нового документа имеют большое значение для дальнейшего углубленного исследования городской земли Селевкидской Вавилонии.

И. Ш. Ш и ф м а н в статье «Город и торговля в Сирии эллинистического и римского времени» (стр. 194—211) ставит своей задачей выяснить истоки полисного устройства указанного периода и определить те своеобразные черты взаимоотношений между городом и царской (императорской) властью, которые сложились в эллинистической Сирии и продолжали существовать и развиваться в период римского господства. Привлекая огромный фактический материал, автор ставит весьма интересные вопросы и высказывает заслуживающие внимания суждения. По утверждению автора, полисный строй не только привносится в Сирию греческими поселенцами, но и складывается независимо от греческого влияния. Однако при скудости данных об организации городов доэллинистической Сирии (конец II тыс., первая половина и середина I тыс. до н. э.), что отмечает и сам автор, подобное утверждение представляется нам несколько категоричным.

Таков круг вопросов, рассмотренных в статьях рецензируемого сборника, которые нередко обращают на себя внимание оригинальностью исследовательских наблюдений и выводов. Сборник получился чрезвычайно интересным и ценным, опубликованные статьи дают читателю яркое представление о современном состоянии затрагиваемых в сборнике проблем и без сомнения вносят заметный вклад в изучение истории городов и торговли на древнем Востоке.

М. П. Инадзе, Г. Г. Гиоргадзе, З. Г. Кикнадзе